

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

2(115)

Выходит 4 раз в год. Год издания 20-й

Апрель-июнь 2013

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижина
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Т.Е. Ворожейкина
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
НАЦИОНАЛИЗМ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Эмиль ПАИН. Исторический фатализм в эпоху безвременья	7
Маргарита ФАБРИКАНТ. Национализм как средство воздействия на общественное мнение: случай Беларуси	20
Сергей НИКОЛЮК. Белорусское государство как фактор формирования нации	29
Никита САВИН. Дискурсивные основания политического участия в России	35
Адель ОВАКИМЯН. Образ Кореи в общественном мнении россиян	45
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНЫ	
Ольга КАРАЕВА. «Между даром и товаром»: проблематика развития донорства органов в общественном мнении россиян	56
ИССЛЕДОВАНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА	
Евгения ЛЁЗИНА. Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии	67
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	
Игорь ДОЛУЦКИЙ. ЕГЭ по истории как средство ретрадиционализации	101
IN MEMORIAM	
Татьяна Ивановна Заславская (9 апреля 1927, Киев - 23 Августа 2013, Москва)	112
Людмила Хахулина. Второй московский период Т.И.Заславской: от мониторинга экономических и социальных перемен к социальному механизму трансформации российского общества	113
Авторы номера	117
SUMMARY	118

Ответственный редактор
выпуска Л.Д. Гудков

Редактор, корректор
Д.В. Соколова

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

Никита САВИН

Дискурсивные основания политического участия в России

Сегодняшнее политическое поведение россиян выглядит противоречивым и вызывает оживленную дискуссию в академическом сообществе. Предметом дискуссии является политическая пассивность значительной части россиян. На протяжении последнего десятилетия социологические опросы фиксировали устойчивое недовольство граждан актуальной ситуацией в стране. По данным Левада-центра, в период с 2000 по 2013 гг. в среднем 40,6% граждан выбирали вариант «события ведут нас в тупик» вместо «дела идут в правильном направлении» (при стандартном отклонении в 7,6%)¹. Несмотря на значительный уровень недовольства, граждане не используют имеющиеся возможности для политической активности, такие как создание и работа в инициативных группах, общественных организациях и т.п. Напротив, современному обществу присущи коммуникативная domestikация (доминирование непубличного характера коммуникационной активности над публичным)², социетальная и политическая инволюция (деполитизация)³ и состояние аномии (распада системы ценностей)⁴.

В политической науке интерпретации обозначенного выше противоречия ведутся преимущественно в рамках институциональной парадигмы и трёх подходов: социологического, рационального и исторического. Все три подхода аксиоматизируют механизм трансформации мотива в действие. В рамках социологического подхода эта парадигма обусловлена социальными нормами, в рамках рационального — калькуляцией издержек и бенефитов, в рамках исторического — эффектом колеи. Объяснить символический подтекст этих механизмов по-

зволяет дискурсивный подход, при котором ставится вопрос: как идеи и значения конституируют политическое действие⁵? Использование данного подхода позволяет выявить символические основания не только политического действия, но и его отсутствия.

Эмпирическая база исследования. Эмпирической базой исследования являются 15 глубинных интервью, проведенных в городе Архангельске в мае 2013 года. Респондентами были выбраны российские «обыватели» — категория граждан, соответствующая признакам, определенным экспертами Левада-центра Л. Гудковым, Б. Дубиным и А. Левинсоном⁶.

В первую очередь, у отечественного «обывателя» отсутствует промежуточный между коллективными (империя, героическое прошлое, власть) и личными (семья) ценностями уровень, что проявляется в отсутствии гражданской солидарности⁷. Для выявления этой черты «обывателя» респонденту задавались вопросы: «Можете ли Вы доверять большинству людей?», «На что из перечисленного Вы можете оказывать влияние?», «Вы принимали участие в деятельности общественных организаций или инициативных групп за последние полгода?».

Вторая черта российского «обывателя» — недоверие к государственным институтам и высокий уровень патернализма⁸. Вопросы, задаваемые на стадии отбора респондентов, звучали следующим образом: 1. Доверяете ли Вы следующим государственным органам? (Варианты ответа содержали названия федеральных и региональных органов исполнительной и законодательной власти); 2. Что из перечисленного, на Ваш взгляд, является функцией государства? (Варианты ответов: охрана общественного порядка, регулирование экономической деятель-

¹ Левада-центр. Индекс оценок положения дел в стране. URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (Дата обращения: 02.06.2013)

² Каширских О. Н. Публичная сфера и легитимность персоналистской системы власти в России // Вестник общественного мнения. — 2012. — № 2 (112). — С. 67.

³ Burawoy M. Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // East European Politics and Societies. 2001. Vol. 15. № 2. З. 269-290.

⁴ Медведев С., Томашов И. Политическая аномия в современной России. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/53650662> (Дата обращения: 02.06.2013)

⁵ Schmidt V. Discursive Institutionalism: the Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. № 11. P. 305.

⁶ Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. Фоторобот российского обывателя. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gudkov_Dubin.pdf (Дата обращения: 02.06.2013)

⁷ Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. Фоторобот российского обывателя. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gudkov_Dubin.pdf (Дата обращения: 02.06.2013)

⁸ Там же.

ности, создание рабочих мест, выплата достойных зарплат, социальная помощь населению, руководство общественной жизнью). Искомый респондент должен был выбрать все предлагаемые варианты.

Третьим признаком «обывателя» является его социально-экономическое положение¹. Доход респондента не должен превышать средний по региону (в Архангельской области – 22 тысячи рублей)².

Выбор города Архангельска для проведения интервью обусловлен отсутствием значимых региональных специфик, способных исказить универсальные паттерны семантического прочтения гражданами политической действительности. Архангельская область – дотационный регион, не выделяющийся по основным социально-экономическим параметрам Госкомстата из совокупности других регионов России³. В Архангельской области отсутствуют значимые социетальные расколы по признаку конфессии, этнической принадлежности, город-село и т.п.

На основании предварительного анкетирования было отобрано 15 респондентов, удовлетворявших «обывательским» требованиям. Данные о респондентах приведены в таблице:

Вопросы в ходе интервью носили как закрытый, так и открытый характер. С респон-

дентами обсуждались три темы:

1. Доверие к государственным институтам.
2. Отношение респондента к окружающим людям.
3. Политическое участие граждан.

Техникой анализа собранных нарративов является теория дискурса Лакло и Муфф. В рамках этой теории отсутствует разделение на языковые и социальные практики. Действия агентов и их слова рассматриваются как знаки, за которыми стоят смысловые конструкции⁴. Исследовательской задачей в рамках теории дискурса Лакло и Муфф становится определение гегемонного дискурса – совокупности смысловых конструкций, легитимирующей существующий социальный порядок и отношения господства. В отличие от критического дискурс-анализа и дискурсивной психологии, теория дискурса Лакло и Муфф не требует дополнительной интерпретационной парадигмы для результатов анализа нарративов⁵.

Реконструкция обывателя: семантические основания деполитизации. В ходе интервью были выявлены дискурсивные основания критериев, используемых для выявления обывателей, – коммуникативная domestikация, недоверие к государственным институтам при высоком уровне патернализма, значимость уровня до-

№ респондента	Краткое описание				
	пол	возраст, лет	доход, тыс. руб.	профессия	
1	М	44	21	охранник	
2	М	47	13	продавец	
3	М	53	8	дворник	
4	Ж	27	21	тренер в ДЮСШ	
5	М	57	15	мусорщик	
6	Ж	48	24	продавец	
7	Ж	59	18	продавец	
8	Ж	54	13	модельер	
9	Ж	59	20	бюджетник	
10	Ж	65	18	пенсионерка	
11	Ж	47	12	продавец	
12	Ж	38	20	бухгалтер	
13	Ж	56	14	подрабатывающая пенсионерка	
14	Ж	33	19	менеджер	
15	Ж	36	22	бухгалтер	

¹ Там же.

² Итоги социально-экономического развития Архангельской области (без учета Ненецкого автономного округа) за 1 квартал 2013 года. URL: <http://www.dvinaland.ru/ekonomy/> (Дата обращения: 02.06.2013)

³ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm (Дата обращения: 02.06.2013)

⁴ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. Verso: London, New York, 1985. P. 113

⁵ Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2 изд., испр. – Х: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – С. 53-107.

ходов и чувствительность обывателей к имущественному неравенству.

Девальвация Другого¹

Коммуникативные сети обывателей эксклюзивны и включают преимущественно родственников и коллег по работе. Семья выступает в качестве инструмента взаимной защиты. Нарушение своих прав государством респонденты оценивали как реальную возможность, некоторые рассказывали реальные случаи из жизни, советовались, куда можно обратиться в описанных ситуациях. Основным инструментом защиты прав, по мнению обывателей, являются знакомства.

Отрывок из интервью с Респондентом 1.

Ответ: Я думаю, что там много беспредела. Я, например, боюсь попасть в милицию, даже если я ни в чем виноват. Я не уверен, что меня не могут уечь, подсунуть мне наркоту или чего там... если они захотят это сделать. Тем более в свете последних событий, как они издеваются там или издевались. Я думаю, все это продолжается. Поэтому я... я боюсь этого, я не верю ни в милицию, ни во что. И стараюсь как-то подальше от этого.

...
Вопрос: А вот если вдруг с вами случится нечто подобное [нарушение прав — НС], кто, на ваш взгляд, мог бы вас защитить?

Ответ: Только если найдутся какие-либо знакомые. Мне кажется только это. Через кого-то, через где-то. Чтобы кто-то за меня постоял. По-справедливому, наверное, это не может быть...

Опора на собственные коммуникативные сети и отсутствие защиты со стороны государства оценивается обывателями как нормативно неприемлемая ситуация. Такой тип поведения нельзя назвать лукавым, обыватели не стремятся найти лазейки в существующей нормативной системе для оправдания выхода за пределы «правил игры»². Сами внешние правила игры воспринимаются ими как несправедливые. Нормативное измерение присутствует, но обыватели не ждут, что внешний мир будет вести себя сообразно этическим нормам. Отсюда — рациональным поведением агентов становится социальный абсентеизм, понимаемый как

сознательное уклонение от деперсонифицированных социальных связей. При общении с незнакомыми людьми обыватели главным образом упирают на их инклюзивную идентичность, предполагающую апелляцию к общему для всех этическому неприятию — «все же мы люди», «ну по-человечески можно понять».

Нормативно неприемлемым респонденты считали, например, участие в фальсификациях на выборах. В то же время участвующие в фальсификациях морально не осуждаются обывателями, осуждается сама система выборов, которая вынуждает людей действовать в обход нормативной системы. Все респонденты отказали в доверии выборам.

Респондент 8: Ну, фикция, выборы — фикция, всё равно вот, они как это, Путин с Медведевым, Путин с Медведевым, Медведев сейчас премьер-министр, он вообще никакой! Он, по-моему, даже не понимает, чем он занимается...

Отрывок из интервью с Респондентом 11.

Вопрос: Но по данным выборов, их [сторонников В. Путина — НС] большинство, у Путина на выборах около 60%...

Ответ: Не верю!

Вопрос: То есть, Вы думаете, что выборы были подтасованы?

Ответ: Да, да, я думаю, да. Потому что, судя, как мы живем... не уверена, мне кажется да. Да, и я в этом уверена как-то вот. Но опять же, показывали и по интернету, подтасовки были. И опять же вот да, по центральному телевидению, ну невозможно чтобы так все ровно и гладко проходило. И вот такие моменты, они почему-то где-то чего-то очень мало освещались. Но тоже вот большой знак вопроса, не знаю...

Нормативная неприемлемость социальной реальности носит у обывателей холистский характер и отражается в речи респондентов употреблением обобщённых выражений и оборотов: «кругом», «езде» и т.п. Например, развернутые ответы Респондента 1 зачастую заканчивались фразой «потому что везде коррупция». Неприемлемость социальной реальности носит имплицитный характер. Респонденты не могли чётко артикулировать то, чем они недовольны, ответы зачастую носили эмоциональный характер, содержали значительное число риторических вопросов и восклицаний.

Имплицитная нормативная неприемлемость внешнего ложится в основу девальвации Другого. Отвечая на вопросы об отношении к

¹ Термин заимствован в: Каширских О. Н. Публичная сфера... С. 72.

² Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-русски. URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/229/938/1219/03levada-19-27.pdf> (Дата обращения: 02.06.2013)

другим людям, респонденты демонстрировали на первый взгляд противоречивую логику: все собеседники считали невозможным для себя принимать участие в организациях и группах для решения вопросов общей значимости, несмотря на декларативное доверие к большинству людей за пределами круга родственников и близких знакомых. Объяснение данного противоречия заключается в том, что в сознании обывателей практически не рефлексировалась разность групп. Базовой недифференцируемой идентичностью обывателей является «народ», «простые люди». Декларируемое доверие к большинству людей не означает доверия к Другим, но означает доверие лишь к себе.

Медиа практически не играют конститутивной роли при формировании идентичности *народ* и когнитивных структур агентов. Медиа преимущественно вынесены за пределы *народа*, они дают лишь информационные поводы, которые затем обсуждаются в пределах ближайшего круга. Вынесение оценки, формирование отношений, а вместе с тем — конституирование агентов происходит в пределах доместицированных сетей. Сформированное в сети отношение не рефлексировалось как партикулярное и экстраполируется затем на *народ*.

Особенное недоверие обыватели высказывают в отношении федеральных телеканалов. В ходе интервью респонденты часто ссылались на федеральные телеканалы без специального вопроса, при этом негативно их маркируя. Со многими респондентами негативное отношение к федеральным телеканалам становилось доминирующей темой в ходе интервью. Отсылка к нечестности медиа шла постоянно, сопровождалась риторическими восклицаниями, тема активно вовлекала в общение. Федеральные телеканалы перестали быть медиа в том смысле, что они не являются фоновым институтом для столкновения партикулярных точек зрения. Напротив, сами федеральные телеканалы становятся предметом рефлексии.

Респондент 6: То есть они [власть - НС] осознают, что на грани, мне кажется где-то в глубине да, что они уже на грани... Но вот эта показуха, конечно, честно говоря, уже надоела по телевизору. Ну, это все, все ну вот кто более менее вот что-то соображали, они все понимают, что это показушничество натуральное...

Респондент 11: То есть, то же самое освещается, но у него [о ведущем на телеканале РЕН-ТВ - НС] какие-то вот такие острые

моменты, он, во всяком случае, произносит. По Первому каналу этого нет. Ну и вот выборы, мы тоже сравнивали. По Первому каналу, второй канал, РЕН-ТВ, я даже не помню, даже вот второй канал отличался от Первого. А вранье на вранье по Первому, мы просто были в шоке!

Частично функции медиа выполняет интернет. В ходе интервью выражение недоверия к федеральным телеканалам зачастую сопровождалось их противопоставлением интернету, как источнику объективной информации. Респонденты, не пользующиеся интернетом самостоятельно, ссылались на друзей и родственников — активных пользователей. Респонденты, использующие интернет самостоятельно, придавали большое значение комментариям, доверяли им как мнению других людей.

В отсутствие полноценной медиации недовольство обывателей не эксплицируется. Обыватели сохраняют своё недовольство в имплицитной форме, пассивно адаптируясь к изменению внешних условий¹. Структурные условия формирования агентов не обеспечивают их возможностями принимать участие в социально-преобразовательной деятельности.

Противоречивым остается характер идентичности *народ*. Несмотря на неспособность идентифицировать Другого, обыватели оказываются способны сконструировать воображаемое сообщество, носящее эксклюзивный характер. При этом антипод *народа* — государство не имеет однозначной негативной маркировки. Антиномии отношения россиян к власти и к государству хорошо известны и неоднократно описаны в литературе². Главным источником противоречий на сегодняшний день становится сочетание государственного патернализма с феноменом институционального недоверия. Полисемия, возникающая в результате такого сочетания, предотвращает политизацию отношений *власти и народа*.

Государство: Свой или/и Другой?

Обыватели ожидают от государства высоких социальных гарантий, выполнения регулирующих функций. Все респонденты считали, что государство обязано заботиться о пенсионерах, детях, в разной степени опосредовать социальные отношения.

¹ См.: Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et contra. — 2011. — Январь-апрель. — С. 20-42.

² См., например: Гудков Л. Российский авторитаризм: институциональный и общественный контекст. URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/1313> (Дата обращения: 02.06.2013)

Респондент 12: Я считаю, что политика и люди, которые политики, они, прежде всего, [должны — НС] работать для общества, улучшать отношения в обществе, какую-то, ну, в принципе, может я не права, они должны отвечать абсолютно за все, начиная от социальной сферы какой-то и заканчивая развлекениями народа и досугами, всем остальным, вот не знаю почему, я думаю.

Дуалистичность государства (сочетание патернализма с институциональным недоверием) проявляется в сознании обывателей отсутствием дифференциации подсистем общества. Респондент, работающая 15 лет в частном секторе, считала, что в её профессиональной болезни виновато государство, которое должно компенсировать недуг в виде большой пенсии:

Респондент 7: Вот вы разбирайтесь, почему такая зарплата низкая. Вот целый день человек стоит на ногах работает. Ну, я опять же по своей это, знаешь чего. Вот мне обидно, что я лишусь ног в своё время, я от государства это заработаю, потому что я на него работала. Вот так же.

При этом респондент позитивно относится к предпринимательской деятельности и хорошо отзывается о своих работодателях.

Высокие ожидания от государства не оказываются производными от правовых норм, гарантирующих населению социальные и другие права. В своей критике государства респонденты ни разу не сослались на Конституцию, иные правовые акты. Ожидания от государства заложены в нормативном поле агентов, противопоставленном всему экзогенному. Конституция рассматривается как компонент сегодняшнего аморального государства. Респонденты, достигшие совершеннолетия в советское время, при обсуждении функций государства выбирали в качестве нормативного референта советское государство. Респонденты моложе, высказывая те же тезисы, ссылались на примеры европейских стран — Германии, Швеции, Норвегии.

Отношение респондентов к государству нельзя однозначно определить как патерналистское. Ожидая от государства значительного участия в жизни людей, респонденты трактовали его как инструмент производимых коллективных благ. Противопоставляемое нормативному (под этим понимается образ должно быть государство) сегодняшнее государство в сознании респондентов выступает как сово-

купность сетевых структур, действующих исключительно в своих интересах.

Респондент 12: Потому что я считаю, что у нас процентов наверное 80 людей, которые идут в политику, идут туда для бизнеса. Они никак не идут туда для того, чтобы заботиться непосредственно... И мне кажется, тем, чем они занимаются, это... не все, я не могу сказать обо всех, но большинство, наверное, они лоббируют свои интересы, интересы тех людей, которые их привели во власть.

Респондент 14: Они [«простые люди» — НС] знают, что вот это вот кучка, у которых власть, у которых деньги, они найдут рычаги, для того чтобы все это дело подавить

Властные сетевые структуры, в отличие от народа, обладают двумя ресурсами — властью и деньгами. Власть воспринимается обывателями именно как ресурс, говоря о власти, респонденты преимущественно говорят «у власти», «к власти», «власть-имущие», реже — «во власть». Человек у власти сразу выносится в категорию Они, он перестаёт быть «простым человеком», а значит — не разделяет этическую установку об аморальности внешних правил игры. При этом источником негативной маркировки является не власть сама по себе, а богатство. Богатство, а тем более демонстрация роскоши, считаются аморальными в условиях наличия других общих для всех социальных проблем.

Респондент 1: Ну, во первых, большинство богатых — это воры... Иногда богатство такое, что... вот не нужно столько денег. Правда, не нужно. Если у тебя так много, почему ты не можешь поделиться со стариками с нашими...

Негативное отношение к богатству обусловлено не только нормативной неприемлемостью имущественного неравенства. Обыватели ощущают стирание границ между подсистемами общества, маркетизацию общества и государства. Зачастую именно превращение денег в унифицированный регулятор общественных отношений респонденты приводили в качестве примера несправедливости.

Респондент 8: Ну так что, а так вот дальше мы дойдем до того, что можно и кого-то обмануть, убить, зато — главное — мы деньги зарабатываем! Кого-то и в тюрьму можно запрятать,

главное — деньги заработать! Поэтому тебе и говорю, я не пойду [на митинги - НС], я не верю, если сейчас соберется, и они, которые там сидят на своих сладких местах, имея такие зарплаты, имея плюс к тому, что у них и бизнес свой, и они могут его потерять, неужели они позволят?

Остро ощущаемое переплетение власти и богатства приводит к их неразрывной связи в сознании обывателей.

Отрывок из интервью с Респондентом 8:

Ответ: Даже вот в эту власть, когда я говорю, ну ты же идёшь во власть, в администрацию, ну, не в администрацию города, а в мэрию, ты же понимаешь, что ты должен там работать, чтобы твоим гражданам, твоего города, было хорошо, а не зарабатывать деньги. И мне говорят, что я — дура.

Вопрос: Почему?

Ответ: Ну, потому что сейчас какие горожане?! Это зарабатывание денег!

Респондент 14: Как я оцениваю в целом ситуацию в стране... В целом я оцениваю ситуацию таким образом, что в нашей стране в данный момент господство денег — у кого есть деньги, тот и правит, у кого их нет, тот просто сидит и выживает.

Деятельность в своих интересах в ущерб общему благу обыватели обозначают словом «коррупция». Все респонденты назвали причиной своего недовольства государством коррупцию. Вопросы о коррупции вызывали эмоциональную реакцию, сама коррупция однозначно осуждалась респондентами. На вопросы о бытовой коррупции, включающие пример со взяткой гаишнику и подарком госслужащему для решения своего вопроса в обход установленных процедур, респонденты не были единодушны. При примере с государственным служащим респонденты сразу начинали объяснять, что описанная ситуация не имеет ничего общего с коррупцией. В случае с гаишником респонденты затруднялись сразу дать оценку. Гаишник воспринимался как «простой человек», разделяющий этическую установку об аморальности внешних правил игры. В то же время гаишник рассматривался как представитель государства, действующий в своих интересах в ущерб коллективному благу — порядку на дорогах.

Дуализм отношений к силовым структурам, в том числе, к ГАИ, проявлялся не только в вопросах о коррупции. Как уже было обозначено выше, обыватели опасаются нарушения прав со

стороны полиции. В разговорах о власти армия и полиция зачастую выносились в категорию Они и противопоставлялись народу. В то же время сами полицейские и военнослужащие морально не осуждались за кооптацию с властью ввиду аморальности условий.

Отрывок из интервью с Респондентом 1:

Вопрос: Как вы думаете, почему большинство людей голосует за Путина?

Ответ: Большинство, это вы имеете в виду — армия, КГБ и толстосумы?

Вопрос: Ну вот были результаты выборов последние, на которых Путин набрал больше 50%.

Ответ: Ну вот я и считаю, что голосуют только те, кому хорошо живется. Армию купили, это понятно, милицию купили — то же самое. Богатых людей у нас очень много, им на самом деле хорошо живется, конечно, они будут голосовать за Путина. Поэтому я думаю, что так.

Вопрос: Ну вот смотрите, армия и милиция, КГБ — это от силы два миллиона человек. В стране 148 миллионов. Почему все остальные голосуют, на ваш взгляд?

Ответ: Ну богатых же много. Я думаю, что только эти люди голосуют. Ну или кому, ну может не за кого больше голосовать, я думаю. Я имею в виду простой народ.

На примере с силовыми структурами видна имплицитность идентичности народ. С одной стороны, народ конституируется через противопоставление властным сетевым структурам, люди могут вообразить себя как сообщество, осознают общие интересы как универсальные (забота о пенсионерах и детях), идентифицируют (хоть и в имплицитной форме) Другого. С другой стороны, установка на экзогенное недоверие не даёт возможности «простым людям» ощутить себя группой, способной на политическое действие. Сами обыватели рефлексировали свою недостаточную организованность, негативно маркируя всеобщую пассивность, в том числе, свою собственную. На абстрактном уровне респонденты одобряли гражданскую кооперацию для решения проблем. Отвечая на вопросы об общем одобрении/неодобрении, респонденты уверенно отвечали «да!», «конечно!», часто сопровождали ответ комментариями, не дожидаясь открытого вопроса. Зачастую респонденты выражали готовность тут же принять участие (пассивное) в деятельности общественной группы в случае непосредственного к ним обращения.

Непосредственное обращение становится необходимым условием при деформации пу-

бличности. Как уже было сказано, федеральные телеканалы не выполняют функции медиа (и, соответственно, функцию генерирования публичности). Несмотря на однозначное осознание и осуждение предвзятости федеральных телеканалов, обыватели не демонстрируют спроса на публичность. Знак политика оказывается семантически ближе к государству, отсюда — под политической борьбой обыватели понимают преимущественно административные методы достижения своих целей, а не публичную борьбу.

Отрывок из интервью с Респондентом 4:

Вопрос: Что нужно делать, чтобы не быть политически пассивным?

Ответ: Свои недовольства какие-то высказывать, там, жалобы писать, можно сказать, какие-то прецеденты рассказывать.

Несмотря на семантическую близость политики к государству, обыватели вовсе не поддерживают только лишь административные методы управления. Само значение слова «государство» расширяется и включает в себя ряд сем, составляющих значение публичности. Не будучи эксплицированным в виде отдельного знака, публичное сливается с государственным.

В сознании обывателей государство начинается там, где кончается частное. Вопросы о гражданской активности и самоорганизации респонденты зачастую воспринимали как вопросы о готовности выступить против власти.

Отождествление государственного и публичного вместе с осознанием своей пассивности приводит к тому, что респонденты сетуют на отсутствие представительства в государстве.

Респондент 2: Все равно какая-то информация идет и от народа, значит что-то и они должны услышать, верх, правительство, и уже из этих, из этого принимать решения. Естественно, все, что сказал народ, все сделать невозможно и нельзя делать этого.

В условиях незначимости медиа и структур гражданского общества важными для обывателей становятся лишь непосредственные контакты с представителями государства.

Респондент 10: Он [Путин - НС] в Северодвинск приехал, собрал бы в театре-то, день бы один бы, рассказал бы всё людям, как что жить, смотрите, у нас вот Тралфлот погиб, и все заводы у нас не работают, а ведь у всех семьи, всем

детей надо поднимать, кормить, так как люди не будут воровать-то и убивать-то?!

Респондент 8: Если можно обойтись без этих митингов, если меня услышат, я бы, знаешь, с удовольствием бы пошла бы и поговорила бы и сказала нашему Павленку [мэр г. Архангельска - НС], что нужно как-то изменить.

Особая значимость прямых контактов обусловила интерес обывателей к прямой линии с В. Путиным. Большинство респондентов смотрели прямую линию, но предметом рефлексии становились не ответы президента, а степень аутентичности мероприятия. Все смотревшие прямую линию выражали возмущение увиденным.

Отрывок из интервью с Респондентом 8:

Вопрос: Линии прямые проводятся, как недавняя, пятничасовая...

Ответ: Никита! Ну ты же видел, как всё срежиссировано! Ты же видишь, какая ерунда!

В условиях деформации публичности и отождествления государственного и общественно-актуальными становятся вопросы о значении ключевых знаков демократического участия и возможных форм канализирования недовольства, перспектив существующих механизмов политической инклюзии.

Демократия: определенность неопределенности

На примере слова «демократия» проявляется полисемия ключевых знаков политического участия. При просьбе пояснить значение слова все респонденты испытывали затруднение. Никто из респондентов не смог дать ответ на вопрос, что он понимает под демократией. При этом все респонденты рефлексировали это непонимание.

Отрывок из интервью с Респондентом 5:

Вопрос: Как вы относитесь к демократии?

Ответ: А ты знаешь, я, честно говоря, не понимаю, что это такое...

Отрывок из интервью с Респондентом 6:

Вопрос: Как вы считаете, в 90-е была демократия?

Ответ: Я не знаю даже, что сейчас считать демократией...

На абстрактном уровне все респонденты говорили о своём положительном отношении

к демократии. Под демократией «в общем» они понимали, главным образом, стандарты политического устройства европейских стран. В таком значении демократия понимается обывателями как стабильность, обусловленная защитой со стороны государства.

Несмотря на артикулированное непонимание демократии, все респонденты сошлись во мнении, что в современной России есть значительные проблемы с демократией. Недостаток демократии ставился в вину власти, которая ограничивает её в своих корыстных интересах.

Отрывок из интервью с Респондентом 14:

Вопрос: Вы считаете, что у нас в стране сейчас демократия?

Ответ: Да нет. У нас демократия такая, я бы сказала условная.

Вопрос: Что такое условная демократия?

Ответ: Что такое условная демократия? В моем понимании. У нас демократия до поры до времени. То есть, то, что вот та демократия, которая... не прищемит хвост нашей верхушке — она допускается. Но если эта демократия какая-то пошла уже чуть дальше, где будет зерно такое, что из него может что-то вырасти, её сразу найдут возможность зажать, убрать, заткнуть. Рычаги есть.

Вопреки распространённому тезису респонденты не отождествляли демократию и отсутствие порядка. Напротив, в сознании респондентов демократия в большей степени ассоциируется с порядком. Определение сегодняшнего российского режима как недемократического обусловлено этой семантической близостью.

Отрывок из интервью с Респондентом 5:

Вопрос: А то, что сейчас в нашей стране, это демократия?

Ответ: Нет, я не сказал бы, что это демократия. Это своедозволенность, кричат — демократия, а делают, что хотят. Нет никакой дисциплины. Честно говоря, в стране нет дисциплины. Надо пожестче, руку пожестче бы надо, к нашему народу. И ко мне тоже, отчасти...

В то же время приведенный смысл остается лишь ассоциацией, не закреплённой за означаемым. Обыватели высказывали его только после долгих раздумий в ответ на просьбу выдать какой-либо иной ответ, кроме непонимания. Значение демократии как порядка оказывается вытесненным из дискурса обывателей в область

дискурсивности¹. За означающим же закреплёно значение неопределённости.

Знак демократия является узловой точкой дискурса обывателей. Многие респонденты имплицитно понимали под демократией постсоветскую эпоху с её аморальностью экзогенного. Определяя демократию как неопределённость, респонденты демонстрируют чувствительность к отсутствию определённости знаков на социальном уровне. Не понимая новую эпоху, обыватели более старшего возраста соотносят её с советским прошлым. Они не могут эксплицитно идентифицировать эпоху для последующего сравнения. Отсюда — негативная коннотация значения неопределённости.

Сравнивая эпохи, респонденты апеллируют лишь к своей личной жизни, сводят позитивные изменения к свободе, понимаемой ими негативно как возможность «говорить всё, что нам угодно и нас за это не посадят» (Респондент 6), ездить в Турцию и в Египет (Респондент 1). В этой связи не рефлексировалась разность 1990-х и 2000-х, педалируемая федеральными телеканалами. 1990-е и 2000-е воспринимаются как часть одной эпохи, обыватели фиксируют улучшение качества жизни в 2000-е, но ощущение отсутствия определённости знаков на социальном уровне остаётся для них основным критерием при формировании отношения.

В условиях деформации публичности обыватели не имеют возможностей понимать позитивную свободу. Структурные условия формирования агентов задают ограничения на значение демократии: из области дискурсивности означающего выхолащиваются коммуникативные составляющие. Даже потенциально в сегодняшних условиях обыватели не имеют возможностей понять демократию как публичное взаимодействие на основе разности. Демократия воспринимается лишь инструментально, как механизм реализации своих частных интересов².

В сегодняшних структурных условиях политическое отсутствует. Жизнь обывателей, их отношения с властью принимает дополитические формы. Дополитичность состояния отражается также на артикулируемых обывателями причинах их недовольства. Несмотря на высказанные

¹ Область дискурсивности — «резервуар для «добавочных значений», возникающих в артикуляционной практике, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значения», «все возможные, исключенные значения», «все возможные исключенные конструкции значения». Источник: Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Указ. соч. С. 57-58.

² Каширских О. Н. Публичная сфера...

опасе
лиди
федер
причи
блем
в пр
нос
буд
рыво
воль
ции
С
ся в
нок»,
пред
делен
сят о
смыс
на п
ства,
осозн
та фор
как п
ально
янии
шений
артику
Попул
конст
единст
стирае
новани
Пр
ский х
тель вы
к групп
положе
циальн
на госп
руя си
Кажущ
этих п
Бурдьё
«индив
больше
быть ко
способн
быть ус
ва в пол

¹ Манен Б.
Е. Н. Роши
Санкт-Петер
² Laclau E.
³ Бурдьё П.
С. 233

опасения нарушения своих прав со стороны полиции и возмущение по поводу предвзятости федеральных телеканалов, те же респонденты причинами своего недовольства называли проблемы с ЖКХ, проблемы с трудоустройством в пределах города. Недовольство обывателей носит неполитический характер, в то же время будучи обусловленным рефлексивным разрывом между реальным и нормативным, недовольство специфически формирует предпочтения обывателей.

Специфика спроса в политике заключается в его эндогенном характере: выходя на «рынок», граждане не имеют уже сформированных предпочтений, они формируются после определенных действий политиков, то есть зависят от предложения¹. Спрос обывателей в этом смысле не является политическим, но это спрос на политическое. Имплицидность недовольства, кризис репрезентации и неспособность осознать себя в качестве политического субъекта формируют спрос на популизм, понимаемый как политическая логика генерирования социальной реальности. В дополитическом состоянии институционализации каких-либо отношений должна предшествовать эксплицитная артикуляция этико-политического консенсуса. Популизм по Лакло — политический способ конституирования единства группы. Причём единство носит символический характер, не стирает разности, но, напротив, становится основанием для их генерирования².

Преференции обывателей носят популистский характер, но не авторитарный. Представитель выполняет конститутивную по отношению к группе роль, отсюда — его метасоциальное положение. В политическом акте творения социального представитель смягчает разделение на господствующих и управляемых, эксплицируя символические основания для разностей. Кажущаяся на первый взгляд авторитарность этих предпочтений обусловлена описанной Бурдьё базовой антиномией политического: «индивиды не могут (причем тем больше, чем больше они обделены) конституироваться или быть конституированными в группу, т.е. в силу, способную заставить слушать себя, говорить и быть услышанной иначе, как уступая свои права в пользу официального представителя»³.

¹ Манен Б. Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рощина. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — С. 278-279.

² Laclau E. On Populist Reason. Verso: London, New York, 2005. — P. 140.

³ Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Шматко Н. А. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 233

Отсюда же — персонафикация предпочтений обывателей. Все респонденты имели весьма смутное представление о деятельности партий (в частности, пугали Справедливую Россию и Единую Россию, спрашивали, какую партию представляет тот или иной лидер — Зюганов, Жириновский, Миронов).

Популистский характер предпочтений отражается в отношении респондентов к Путину. В ходе интервью многие респонденты выражали разочарование Путиным. Первоначально респонденты воспринимали его как внешнего по отношению к административной и политической системе человека, ожидали от него экспликации социетальных знаков (главным образом в форме реставрации советских знаков). Некоторые респонденты рефлексировали популистские ожидания обывателей от Путина.

Респондент 4: Потому что на данный момент убрать вот лидера, таких вот, Медведев не знаю, но таких как Путин, в которого большинство народа все равно верит, они может не верят в политику, еще во что-то, но на данный момент считается лидером. То есть у нас на фоне его как бы, скажи мне, на фоне мирового всего этого сообщества, Россия поднялась, и большинство, которое не вникает ни во что вообще, в суть вот этой политики, они верят. И если на данный убрать вообще Путина, то будет беспредел...

Путин не является популистским лидером, в сознании обывателей он оказывается вынесенным за пределы народа, в Они, со всеми вытекающими негативными коннотациями, связанными главным образом с богатством.

Респондент 8: Ну, честно говоря, я не верю Путину, я считаю, что там другая планета. Они живут уже все хорошо, понимаешь, о народе-то не заботятся.

...
Мне честно говоря этот более симпатичен был, Путин сначала, потому что он, советская закалка, люди которые привыкли работать, они несут ответственность за свои сделанные дела, понимаешь, это было симпатично. А теперь я наоборот думаю, они сидят там группа: «Володя! Мне нужно это предприятие! Ладно, хорошо, подождите, через годик сделаем». Понимаешь, как-то рука руку моет.

Популистский характер предпочтений и первоначальные ожидания от Путина лежат в основе неприятия обывателями «рокировки» Путина и Медведева.

Отрывок из интервью с Респондентом 10:

Ответ: Они выбирают друг друга, Путин этого, этот Путина

Вопрос: А вас возмутило то, что они так меняются местами?

Ответ: Конечно, конечно, и не только меня возмутило, всех.

Вопрос: А почему?

Ответ: Так почему они только себя-то выбирают. Что они вдвоём только правят?!

Обывательский дискурс на сегодняшний день обеспечивает символическое воспроизводство властных отношений посредством деполитизации недовольства. Последняя обеспечивается за счёт этической установки об аморальности внешних правил игры. В таких условиях агенты не только оказываются не способны идентифицировать Другого, но и не

могут осознать свою идентичность как партикулярную. В отсутствие контингенции партикулярностей невозможна политизация каких-либо социальных отношений.

Девальвация Другого сопровождается отождествлением государственного и публичного. Не видя Других, за пределами себя обыватель сразу видит государство. Отсюда – уверенность обывателей в безрезультатности любой борьбы против государства и бессмысленности коллективной кооперации.

В заданных условиях обыватели не имеют возможности политизировать свои предпочтения. Предпочтения обывателей носят неполитический характер. Но они проявляют спрос на политическое, носящий популистский характер. Спрос на популизм обуславливает персонализацию предпочтений, благоприятствующую авторитарному стилю правления.

ВЫБОРЫ МЭРА МОСКВЫ

Данные репрезентативного опроса москвичей 27-30 августа 2013 г. (N=1600)

ЗА КОГО ИЗ ЭТИХ КАНДИДАТОВ ВЫ ГОТОВЫ ПРОГОЛОСОВАТЬ НА ВЫБОРАХ МЭРА МОСКВЫ: Группы по полу, возрасту, образованию (% по столбцу)

	Всего	Муж.	Жен.	18-24	25-39	40-54	55 и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Михаил ДЕГТЯРЕВ (ЛДПР)	2	3	1	6	2	1	1	2	1	3	2
Николай ЛЕВИЧЕВ ("Справедливая Россия")	4	5	3	3	3	5	4	5	2	2	4
Иван МЕЛЬНИКОВ (КПРФ)	7	7	7	1	2	8	12	7	6	3	13
Сергей МИТРОХИН ("Яблоко")	4	4	5	4	2	8	3	5	5	4	3
Алексей НАВАЛЬНЫЙ (РПР-ПАРНАС)	10	12	9	20	12	9	8	13	7	6	13
Сергей СОБЯНИН	38	33	42	30	36	39	41	39	34	40	44
Не буду голосовать	13	14	12	11	14	14	12	9	21	11	12
Затрудняюсь ответить	22	23	21	26	30	16	19	21	23	32	10